

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 343.98

Евгений Емельянович ЦЕНТРОВ,

профессор кафедры криминалистики
юридического факультета Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный профессор МГУ

tsentrov.e.e@gmail.com

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АССОЦИАЦИЙ ПО СМЕЖНОСТИ ВО ВРЕМЕНИ И В ПРОСТРАНСТВЕ ПРИ ОЦЕНКЕ ССЫЛОК ДОПРАШИВАЕМОГО НА АЛИБИ И СООБЩЕННЫХ НА ДОПРОСЕ ДРУГИХ ДАТ

USING ASSOCIATIONS BY CONTIGUITY IN TIME AND SPACE WHEN EVALUATING REFERENCES OF THE INTERROGATED PERSON TO AN ALIBI AND OTHER DATES REPORTED DURING INTERROGATION

В статье рассматриваются типовые ситуации ссылок на алиби, обязательность и безотлагательность их проверки на самом первом допросе подозреваемого и лица, заподозренного в совершении расследуемого преступного события. Ссылка на алиби может подкрепляться договоренностью с другими лицами, за счет перемещения определенных действий по времени и в пространстве, а также в связи перемещением во времени и в пространстве сообщаемого события или его обстоятельств. Применительно к типовым ситуациям ссылок на алиби в статье рассматриваются наиболее эффективные способы их проверки. Особое значение уделено правилам и особенностям расшифровки сообщаемых на допросе дат. Примером явного нарушения тактических правил, относящихся к проверке дат, являются обстоятельства расследования первого убийства, совершенного Чикатило.

The article considers typical situations of references to alibis, the obligation and urgency of their verification at the very first interrogation of a suspect and a person suspected of committing the criminal event under investigation. A reference to alibis can be supported by an agreement with other persons, by the movement of certain actions in time and space, as well as by the movement in time and space of the reported event or its circumstances. With regard to typical situations of references to alibi, the article examines the most effective ways to verify them. Special attention is paid to the rules and peculiarities of checking the dates reported during interrogation. An example of an obvious violation of tactical rules relating to checking dates is the circumstances of the investigation of the first murder committed by Chikatilo.

Ключевые слова: алиби, перемещение во времени и в пространстве, расшифровка дат, косвенный допрос.

Keywords: *alibi, movement in time and space, checking the dates, indirect interrogation.*

Ссылка допрашиваемого на алиби чаще всего является проблемой, подлежащей тщательному и безотлагательному исследованию, проверке и оценке [7, с. 314]. Она должна проверяться на самом первом допросе лица, подозреваемого, заподозренного в причастности к расследуемому событию. Опоздание с такой проверкой может серьезно помешать следствию, поскольку недобросовестный защитник, сокамерники и иные лица всегда готовы подсказать и научить подозреваемого наиболее приемлемому объяснению того, где он мог бы быть в момент совершения преступления. Эти и иные лица могут и сами подключиться к созданию для подозреваемого ложного алиби. Своевременно проведенный, тщательно детализированный допрос выявит незнание допрашиваемым и лицами, готовыми подтвердить его показания, подробностей и обстоятельств, относящихся к пребыванию в определенное время в том месте, на которое он ссылается, заявляя о своей непричастности к совершенному преступлению.

Следственной практике известны различные варианты ссылок на алиби.

Во-первых, алиби может быть заранее подготовлено и полностью вымышлено по времени и месту со ссылкой на определенных, заранее подговоренных лиц.

Во-вторых, как это верно подмечено профессором Л.М. Карнеевой, нередко ссылка может быть на событие, действительно происходившее, но с «перемещением» по времени» так, чтобы оно совпало с временем (датой, часом) совершения преступления. Перемещение по времени обычно тесно связано и с перемещением в пространстве [8, с. 630-631].

В-третьих, лицо может в своих пояснениях включать себя в развитие какого-либо действительно имевшего место события, а также в событие вымышленное.

Рассмотрим эти ситуации более подробно.

При ссылках на лиц, с которыми подозреваемый якобы в это время находился, проводится детальный допрос по всем возможным обстоятельствам этого времяпрепровождения

с сопоставлением и сравнением сведений, сообщенных каждым из участников, которых назвал подозреваемый. Как советует С.К. Питерцев, каждому из них могут быть заданы 25-50 и более вопросов по всем обстоятельствам данного события [4]. Например, в связи с чем и по какому поводу они собирались, по чьей инициативе, кто все это организовывал, во сколько все началось, кто пришел первым, вторым, последним, в какой одежде был каждый, кто и где сидел, кто обеспечивал и готовил закуску, покупал спиртное, что это было за спиртное; какая была посуда, стаканы, рюмки, ложки, вилки; кто откупоривал бутылки, разливал спиртное, кто был тамадой, какие речи вели и о чем разговаривали, что обсуждали, кто первым поднял тост и за кого именно, пели ли песни и какие именно, смотрели ли телепередачи, кто и о чем рассказывал и т.п.

Алиби опровергается явной неосведомленностью допрашиваемого о порядке проведения вечера отдыха или же незнанием названия и содержания пьесы, которую он якобы смотрел дома по телевизору, и т.п. В этом плане интересен пример, который в одной из своих работ, посвященных допросу, приводит Л.М. Карнеева. По делу об убийстве обвиняемый Михеенков выдвинул на первый взгляд убедительное алиби: в интересующее следствие время (с 23 до 24 часов) он находился на вечере в клубе. То, что он ушел из клуба по окончании вечера, подтверждали многие свидетели. Вахтер утверждала, что до этого Михеенков через парадные двери не уходил.

При проверке его показаний следователь предположил, что Михеенков мог выйти из клуба через киноаппаратную, ключи от которой он имел, так как работал киномехаником. Этим же путем он мог незаметно для всех и вернуться. Чтобы убедиться в этом предположении, следователь использовал метод косвенного допроса. Его суть состоит в выяснении основного, исходного факта не сразу, а косвенным путем за счет постановки ряда второстепенных вопросов, позволяющих исподволь, завуалированно, не акцентируя на

этом факте внимания, выяснить важные связанные с ним обстоятельства.

Истребовав программу вечера, следователь выяснил, что в 23 часа 15 минут на вечере проводилась лотерея. Ее организаторы и другие свидетели рассказали, какие предметы разыгрывались и как все было организовано. Кроме того, между 23 и 24 часами в клубе произошла драка, прерванная сотрудниками милиции. Очевидно, Михеенков, если он действительно в это время находился в клубе, должен был наблюдать оба эти события.

При проведении допроса следователь не сразу спросил Михеенкова об этих эпизодах, то есть вопросы не звучали так: «А была ли там лотерея, не случилась ли драка?» Такой вариант постановки вопросов мог подсказать допрашиваемому, чем вызван интерес следователя. Поэтому следователь попросил его рассказать, как тот провел время на вечере. Михеенков старательно перечислил все, что он видел, с кем и когда танцевал, но о лотерее и драке не упомянул. После записи его показаний, следователь задал уточняющие вопросы: «Скажите, а может там еще что-либо происходило? Может выступал какой-нибудь ансамбль либо известный певец, под какую музыку проводились танцы, разыгрывалась ли, допустим, лотерея, может какая-то драка там случилась либо еще что-нибудь произошло?» На оба последних вопроса Михеенков ответил отрицательно. Незнание этих событий бесспорно опровергало его ссылку на алиби.

Подозреваемый по другому делу в подтверждение алиби заявлял, что находился вместе с рыбацкой артелью на ловле рыбы. Его показания подтверждали и члены рыбацкой артели. Алиби было опровергнуто за счет обычной документальной проверки, поскольку в этот день артель в море не выходила и рыба на базу не сдавалась. Выемка соответствующей документации и ее осмотр бесспорно подтверждали этот факт.

В процессе проверки алиби могут быть проведены и другие следственные действия. Родители молодого человека, подозреваемого в совершении тяжкого преступления, на

допросах убеждали следователя в том, что их сын из дома не выходил и провел вечер в своей комнате в играх за компьютером. Дом, в котором они проживали, был одноэтажный. Следователь провел осмотр территории перед окном комнаты, в которой находился подозреваемый, и зафиксировал обнаруженные там следы ног, ведущие к окну и от окна, что позволило с бесспорностью опровергнуть ссылку на алиби.

«Перемещение по времени» может быть обусловлено введением в заблуждение каких-либо лиц, подтверждающих показания об алиби в силу такого заблуждения либо просто связано с какими-либо подходящими обстоятельствами. Некая Сенина, совершив убийство мужа, расчлененные части его тела выбросила в устье реки Черной, где они были обнаружены. На допросе она показывала, что утром 16 апреля ее муж уехал на рыбалку и после этого домой не вернулся. 30 апреля следователь допросил в качестве свидетелей соседей Сениной Лопатова и Шагурову, которые подтвердили, что видели, как Сенин 16 апреля уехал из дома на Черную речку ловить рыбу. Однако позднее в ходе дальнейшего расследования было установлено, что Сенин действительно ездил на рыбалку, но не 16 апреля в воскресенье, а 14 апреля в пятницу, и не утром уехал, а вечером. С рыбалки он вернулся 16 апреля. У него произошла ссора с женой, которая ночью, когда он спал, совершила его убийство. Тело мужа она расчленила и затем по частям перенесла к устью реки Черной. Свидетели добросовестно заблуждались, тем более что их допрос произошел через две недели после случившегося. Они действительно видели, как Сенин уезжал на рыбалку, но дата 16 апреля им запомнилась, поскольку после исчезновения мужа Сенина не раз в разговоре с ними повторяла, что он уехал на рыбалку 16 апреля. Получилось, что с ее слов они и называли это число. Следователь мог и на первом допросе этих свидетелей разобраться и уточнить их показания. Нужно было лишь в соответствии с тактическими положениями «расшифровать» при допросе эти даты, т.е.

выяснить на основе чего свидетели запомнили это число, где сами они в это время находились, чем они в этот день занимались? Кроме того, следовало выяснить обстоятельства ухода Сенина на рыбалку, в какое время дня это случилось, как он был одет, разговаривал ли с ними или еще с кем-нибудь. Особое значение при оценке полученных сведений приобретает их анализ с позиции выявления ложных сведений [4, с. 93-95].

Различные выясняемые при уточнении какой-либо даты детали подталкивают, побуждают к сообщению тех дополнительных сведений, которые до постановки нужных в данном случае вопросов остаются как бы не востребованными, а потому ассоциативно не связанными с конкретным выясняемым обстоятельством. По этому делу, кроме того, следовало попытаться установить свидетелей, которые могли видеть возвращение Сенина с рыбалки.

«Перемещение по времени» конкретного события может быть создано за счет изменения трупных явлений путем использования тепла или холода. В подобных ситуациях кроме данных судебно-медицинской экспертизы дополнительно исследуются технические средства и возможности такого изменения.

В других случаях опровержение ссылок на алиби обеспечивается за счет уточнения обстоятельств и деталей, связанных с «перемещением сообщаемого события или его обстоятельств во времени и в пространстве». Некий Парфененко, обвиняемый в совершении убийства, заявлял, что не мог совершить убийство, поскольку в ночь с 29 на 30 июля, когда это произошло, находился достаточно далеко от этого места, в зале ожидания речного вокзала на пристани Кувшинка. В подтверждение своих показаний Парфененко просил установить матроса, который, по его словам, в ночь с 29 на 30 июля заходил в зал ожидания пристани, разговаривал с находившейся там девушкой и шутя пытался взять у нее книгу. Допрошенный в качестве свидетеля матрос пристани Пугачев подтвердил такой факт, но затруднился и не мог точно назвать дату, когда такая ситуация происхо-

дила. И хотя доказательства, подтверждающие вину в совершении убийства Парфененко, по делу были собраны достаточно полно, алиби оставалось не опровергнутым, а потому прокурор вернул дело для дополнительного расследования.

Дело передали другому следователю, который передопрашивая свидетеля Пугачева, стал более подробно выяснять у него обстоятельства того события, на которое ссылался Парфененко. Дополнительно уточнялись обстоятельства появления на пристани Кувшинка незнакомого матросу мужчины, в чем он был одет, как себя вел. Был задан вопрос и о вещах, которые могли быть при нем. На вопрос: «Имел ли этот гражданин при себе какие-либо вещи?» – Пугачев ответил: «Да, в руках у него я заметил черную полевую сумку». При проверке данного обстоятельства выяснилось, что действительно у Парфененко имелась раньше такая сумка, но он ее продал примерно за месяц до совершения убийства, что уже без какого-либо сомнения опровергало ложную ссылку обвиняемого на алиби.

Алиби может быть полностью вымышлено. Например, один из подозреваемых в свое оправдание заявлял, что не мог совершить преступление, так как в это время находился на зимней рыбалке. На допросе ему были заданы вопросы: «Где вы рыбачили? На каком водоеме? Как туда добирались? Какие снасти у вас были? Чем пробивали лунку? Ее размеры? На какого живца ловили?» При ответе на эти вопросы подозреваемый сообщил, что пробивал лунку ломиком, лунка была диаметром примерно в метр, удилище длиной полтора метра. Таким образом он проявил незнание элементарных элементов зимней рыбалки: пещни, которой пробивается лунка, ее обычных размеров, особенностей снасти для зимней рыбалки и живца.

Опровергнуть алиби можно за счет наличия неоспоримых доказательств, уличающих лицо в совершении преступления. Классический пример такого опровержения по делу об убийстве в Санкт-Петербурге в 1912 г. провизора Харламовской аптеки. В убийстве подозревались сторож этой аптеки Шунько и

его 19-летний приятель Алексеев. Виновными они себя не признавали. По этому делу алиби подозреваемого Алексеева под присягой подтверждали четыре свидетеля, проживавшие с ним в одной комнате. Они утверждали, что с 8 часов вечера и до 7 утра он в тот день находился дома и никуда не отлучался. На месте убийства был обнаружен кусок разбитого стекла от парадной двери аптеки, на котором имелись пальцевые отпечатки. На суде выступил известный полицейский криминалист В.И. Лебедев, автор опубликованной к тому времени работы под названием: «Искусство раскрытия преступлений (Дактилоскопия. Антропометрия. Судебно-полицейская фотография)» [3]. Он дал категорическое заключение о том, что отпечаток на этом куске стекла оставлен большим пальцем левой руки Алексеева. Его заключение и выступление на суде с пояснениями полученного вывода убедили присяжных заседателей и явились основой обвинительного приговора, вынесенного судом по этому делу. Через несколько дней после состоявшегося приговора Алексеев признал себя виновным. Успешность вывода дактилоскопического исследования с бесспорностью показала особое значение дактилоскопической экспертизы в процессе доказывания по уголовному делу [1, с. 73-76, 206-207].

На современном этапе для обеспечения алиби начинают использоваться возможности цифровой, электронной и иной связи. В процессе расследования дела об убийстве было установлено, что виновный перед совершением убийства передал мобильный телефон приятелю и попросил его в обусловленное время (в намеченный период совершения преступления) послать электронное сообщение с адреса, далекого от места преступления.

При проверке алиби необходимо учитывать различные обстоятельства, которые в соединении и переплетении с другими данными могут изменить общее представление о событии. Так, по делу об убийстве Хомякова свидетель Селезнев утверждал, что в день совершения этого убийства его сосед

по квартире Ефимов вечером дома не находился. Селезнев показал, что в этот день сам он лег спать в половине двенадцатого ночи. До этого несколько раз выходил на кухню, в коридор и другие места общего пользования, но Ефимова не видел. Если бы Ефимов был дома, пояснил свидетель, то он бы заметил в его комнате свет. При проверке этих показаний выяснилось, что Селезнев не заметил присутствия в квартире Ефимова по той простой причине, что последний, вернувшись вечером домой, сразу же в нарушение своего обычного распорядка лег спать. Проснулся Ефимов около 21 часа, когда Селезнев смотрел телевизионную передачу, окончившуюся в пятнадцать минут одиннадцатого. К этому времени Ефимов вышел на улицу, чтобы позвонить по телефону-автомату своим знакомым. Вернулся он минут через сорок, переоделся и тут же снова ушел из дома. В данном конкретном случае признаки, на которые, исходя из своих представлений об обычном, опирался в показаниях свидетель (здесь как раз и произошла «подмена действительного обычным»), оказались недостаточными для категорического утверждения об отсутствии Ефимова в этот вечер дома. Чтобы избежать ошибок при оценке полученных показаний, в каждом случае следует тщательно выяснять все условия восприятия. Как отмечал А.Р. Рапинов, «важно исследовать не только соответствие действительности конечных суждений свидетеля, но и реальность их чувственной основы, проверяя в необходимых случаях, воспринимал ли допрашиваемый те признаки, на которых эти суждения основаны» [6, с.100].

Основное правило в использовании ассоциативных связей заключается в обязательной расшифровке конкретной даты, сообщаемого того или иного времени, временного промежутка. При проверке сообщаемых на допросе дат нередко важно не только установление конкретной даты и ее подтверждение, а выяснение обстоятельств, обуславливающих (подтверждающих или опровергающих) именно данную, соответствующую событию конкретную дату. Допрашиваемый может не

помнить и не называть саму дату либо ошибочно называть не ее, а другое число. Знание им в этих случаях конкретных деталей и обстоятельств, лежащих в ее основе, позволяет получить и подтвердить нужные сведения [подр.: 9, с. 224-225].

Например, по делу Чикатило лишь через 12 лет было установлено, что следствие находилось буквально в полушаге от раскрытия первого совершенного им убийства 9-летней девочки Лены З., за которое был осужден и казнен невинный человек. Имелась свидетель Гуренкова, которая примерно за полчаса-час до совершения Чикатило убийства видела его с этой девочкой на трамвайной остановке. Она запомнила их внешность и показывала, что он что-то говорил девочке, а та, похоже по ее поведению, сомневалась идти или не идти вместе с ним. Через два дня после этого, возвращаясь с подругой после работы, она присутствовала при осмотре тела девочки, извлеченного из реки, и сообщила своей подруге об обстоятельствах, при которых видела девочку и того мужчину, которым и был Чикатило. С ней проводились поисковые действия, был составлен рисованный словесный портрет. Директор училища, где работал Чикатило, при предъявлении этого портрета сразу же указал на Чикатило. Но некоторая оперативно-розыскная суета, видимо, повлияла на точность сообщаемых Гуренковой дат. Она ошибочно указала на допросе не на тот день, когда произошло убийство, а назвала число за два дня до этого. Убийство произошло 22 декабря, а 24 декабря Гуренкова присутствовала при осмотре тела девочки. Эту разницу в два дня она ошибочно отсчитывала не от 24 декабря, а от 22 декабря. В ее показаниях число, когда она видела Лену З. с Чикатило, значилось 20 декабря [2, с. 45-52, 201-245].

В силу недостаточного профессионализма, незнания особенностей уточнения сообщаемых дат с помощью ассоциативного метода следователь не удосужился выяснить у свидетеля, на основе чего она запомнила эту сообщенную ею дату. А надо было всего лишь спросить, почему она ее запомнила, чем

именно этот день 20 декабря ей запомнился и за сколько дней до дня, когда тело девочки осматривалось, она видела их вдвоем? Ведь в тот день, когда она оказалась на осмотре тела погибшей, о том, что видела эту девочку с мужчиной, сообщила сразу же своей подруге, вместе с которой приехала с работы. Как она могла ей сказать? Возможно, могла сказать, что видела их за два дня до этого. Более оптимальным был бы вначале вопрос к Гуренковой не о дате, а о том, за сколько дней до дня, когда проводился осмотр тела девочки, она видела ее вдвоем с тем мужчиной, о котором давала показания. Ведь разрыв во времени между 24 и 20 декабря будет уже 4, а не два дня. При использовании в ходе допроса такого серьезного отклонения можно было сразу же преодолеть заблуждение свидетеля и получить от нее точные данные о времени, когда она видела вдвоем девочку и того мужчину. Имелись и другие возможности уточнения этой чрезвычайно важной для следствия даты.

Так, свидетель Гуренкова показала, что в тот день у Чикатило была сумка с двумя бутылками вина емкостью 0,8 литра. При допросе Чикатило и членов его семьи можно было выяснить в связи с чем это вино было им закуплено, когда и где именно. И опять же из тактических соображений спрашивать вначале следовало не конкретно о дате покупки. Прямой вопрос: «Когда и где Вы купили вино?» – был бы неверным с точки зрения тактики. Эту дату надо было выяснять методом косвенного допроса. Чтобы не акцентировать на ней внимания, можно было в самом начале допроса выяснить, например, все о членах семьи, каков ее состав, где и кто работает, либо учится, чем увлекается (спорт, кино, театр, чтение книг и т.п.), как складываются взаимоотношения в семье, отношения с другими родственниками, приятелями, знакомыми, спросить о днях рождения, какие особые дни и торжества принято в семье отмечать. Все случилось в декабре, близился Новый год, поэтому вопросы могли быть приближены к декабрю месяцу. Кто и где обычно закупает продукты и вино? Где и

когда покупалось вино в декабре месяце? Эту дату можно было попытаться уточнить и через продавцов конкретного магазина (ларька, павильона). При уточнении даты можно было использовать сведения от подруги Гуренковой, других возможных свидетелей, которым она об этом рассказывала, а также от тех оперативных работников, которые вместе с ней производили поиск мужчины, с которым Гуренкова видела погибшую девочку.

Особое значение расшифровки сообщенной Гуренковой даты определялось еще и тем, что подруги Лены З. рассказывали, что в день своей гибели она намеревалась встретиться с дедом, который обещал ей передать импортную жвачку. Этим дедом как раз и был Чикатило. Как мог кто-то другой встретиться с Леной З., если она собиралась встретиться именно с Чикатило?

Вот и получилось, что элементарный прием расшифровки и уточнения даты не был использован следствием. Следствие в нарушение тактического правила об одновременной проверке всех возможных версий увлеклось проверкой только одной версии о совершении этого убийства неким Кравченко, ранее судимым за изнасилование и убийство несовершеннолетней. Осуждение Кравченко за это преступление при использовании психического насилия и пыточных методов получения признания привели к тому, что Чикатило в течение 12 лет оставался неразоблаченным в этом первом совершенном им убийстве.

Последствия этих нарушений ужасны. А для Чикатило это первое убийство стало знаковым, совершенным за гранью обычных сексуального характера приставаний к малолетним девочкам, которых он угощал импортной жвачкой, подглядывал за ними в женских туалетах, просил подержать там дверь, за что его неоднократно выгоняли из одной из школ. Совершение первого убийства пробудило в Чикатило жажду крови своих жертв, особое для него высокое сексуальное напря-

жение, которое он мог получить только таким образом в силу своей сексуальной немощи. Ведь он убивал девочку в порыве внезапно вспыхнувшего злобного влечения, придушил ее, наносил удары ножом, терзал руками ее тело и половые органы, запихивая туда свою сперму. Осуждение за это убийство к смертной казни невинного привело к тому, что все имевшиеся на первоначальном этапе расследования данные о патологических сексуальных отклонениях Чикатило, а также многие фактические сведения о его причастности к этому убийству оказались скрытыми. Они были выброшены из материалов уголовного дела, а потому и не могли быть использованы при установлении и изобличении Чикатило в совершении многих последующих убийств. И это первое безнаказанно совершенное им убийство на сексуальной почве малолетней девочки пробудило в нем злобного монстра, настоящего сатану, звериное желание продолжать и дальше эти убийства. В последующие 12 лет он насилует и убивает девочек, мальчиков, несовершеннолетних и молодых женщин. На его счету, как установило следствие, было 53 убийства. Он убивал своих жертв особо жестоким и мучительным способом, отрезая и поедая еще у живых части их тела, стремясь в целях сексуального удовлетворения оттянуть их агонию на как можно более продолжительное время [2, с. 237].

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что тактические положения, опирающиеся на ассоциативные связи по смежности во времени и в пространстве, своевременная и обязательная расшифровка сообщаемых на допросе сведений о датах, связанных с установлением времени тех или иных обстоятельств расследуемого события, являются необходимой основой эффективного и полного раскрытия расследуемого преступления.

Библиографический список

1. Крылов, И.Ф. Были и легенды криминалистики / И.Ф. Крылов. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1987.
2. Китаев, Н.Н. Неправосудные приговоры к смертной казни: системный анализ допущенных ошибок / Н.Н. Китаев. – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2000.
3. Лебедев, В.И. Искусство раскрытия преступлений / В.И. Лебедев. – СПб., 1909.
4. Питерцев, С.К. Тактические приемы допроса : учебное пособие / С.К. Питерцев, А.А. Степанов. – СПб.: Санкт-Петербургский юрид. ин-т Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 1998.
5. Подвойский, К.В. Криминалистическая диагностика лжи : монография / К.В. Подвойский. – М.: Юрлитинформ, 2024.
6. Ратинов, А.Р. Судебная психология для следователей / А.Р. Ратинов. – М.: Высш. школа МООП СССР, 1967.
7. Руководство для следователей / под ред. Н.А. Селиванова, В.А. Снеткова. – М.: ИНФРА-М, 1998.
8. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. – Изд. 2-е, исп. и доп. – М.: Юрид. лит., 1973.
9. Центров, Е.Е. Руководство по следственной тактике : монография / Е.Е. Центров. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2024.